

А.А. Рашидов, А.М. Саидов, Х.А. Юсупов
A.A. Rashidov, A.M. Saidov, H.A. Yusupov

О ПОКАЗАТЕЛЯХ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА В ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

ABOUT THE INDICATORS OF THE NUMBER CATEGORY IN THE LEZGIAN LANGUAGE

Статья посвящена проблеме формирования и функционирования категории числа в лезгинском языке, а именно – спорной проблеме о принадлежности показателей множественности. Компонент множественности в лезгинском языке имеет автохтонное происхождение и не может быть заимствованием из тюркских языков. При этом надо еще иметь в виду, что лезгинский показатель множественности даже формально не совпадает с эквивалентом в тюркских языках. Ввиду того, что по этой проблеме существуют различные точки зрения, авторы на примере опубликованных исследований по теме и сравнении с тюркскими языками, опираясь на свои выводы, доказывают, что показатели множественности в лезгинском языке являются автохтонными и их не следует причислять к заимствованиям из тюркских языков.

Ключевые слова: лезгинский язык, категория числа, тюркские языки, формообразующие аффиксы, заимствования.

The article is devoted to the problem of the formation and functioning of the number category in the Lezgian language, namely, the controversial problem of the belonging of multiplicity indicators. The plurality component in the Lezgian language has an autochthonous origin and cannot be a loan from the Turkic languages. At the same time, it should also be kept in mind that the Lezgian multiplicity index does not even formally coincide with the equivalent in the Turkic languages. Because there are different points of view on this problem, the author, using the example of published studies on the topic and comparison with the Turkic languages, based on his conclusions, proves that the multiplicity indicators in the Lezgian language are autochthonous and they should not be attributed to borrowings from the Turkic languages.

Key words: the Lezgian language, number category, the Turkic languages, inflectional affixes, borrowings.

DOI: 10.24888/2079-2638-2023-58-3-57-60

Лезгинский язык, в отличие от многих дагестанских языков, не располагает многообразием формообразующих аффиксов. Исследователи лезгинского языка по-разному выделяют аффикс множественности. Так, в нормативной грамматике лезгинского языка по этому поводу отмечается: «Формы им. п. мн. ч. образуются от основы им. п. ед. ч. аффиксами мн. ч. Для подавляющего большинства имен существительных аффиксами мн. ч. являются *-ар, -ер(-эр), -яр(-аьр)*, распределение которых зависит от фонетической и редко от морфемной структуры слова» [1, 106].

Однако широко распространено мнение (в том числе и среди представителей дагестанского лингвистического сообщества), согласно которому аффиксы

множественности имен существительных в лезгинском языке заимствованы из тюркских языков. Озвучено такое мнение в виде редакторской реплики по поводу статьи Р.И. Гайдарова «О категории числа в лезгинском литературном языке», опубликованной в тематическом сборнике «Категория числа в дагестанских языках». В ответ на наблюдение автора статьи о том, что «...несколько имен существительных, заимствованных из азербайджанского языка или же через его посредство принимает флексию *-лар // -лер*» [2, 82], ответственный редактор данного сборника в виде ссылки вопрошает: «Флексия *-лар // -лер*, как замечено автором, оформляет в лезгинском языке только азербайджанизмы. Нельзя ли ставить вопрос о том, что и формы мн. ч. этих слов в готовом виде также заимствованы из азербайджанского языка?» [2, 82].

Как видно, автор реплики под впечатлением такого «научного озарения» даже забыл правильно оформить свое предположение. В статье Р.И. Гайдарова как раз-таки и говорится об образовании множественного числа нескольких слов, заимствованных из азербайджанского языка с помощью флексий *-лар // -лер*. Редакторская реплика звучала бы правильно, если вместо слова *этих* употребить *и других*, т.е. форма множественного числа в лезгинском языке образуется с помощью тюркского аффикса *-лар // -лер*. При этом вопросительной формой подачи авторской мысли лишь смягчает некоторую категоричность своего высказывания, а *rigori* считает, что так оно и есть на самом деле, при этом не принимается во внимание тот факт, что в редактируемом им сборнике представлены еще две статьи, посвященные данной проблеме в лезгинском языке, которые полностью опровергают подобную точку зрения. Так, в статье У.А. Мейлановой «Основные вопросы формирования и функционирования категории числа в лезгинском языке» отмечается: «В самом лезгинском языке единственной морфемой, образующей число, является экспонент *-р* с соответствующим опорным гласным..., гласный элемент аффикса множественности очень подвижен и подчинен действующему в лезгинском языке закону сингармонизма гласных... Что касается генезиса аффикса множественности *-р*, то он восходит, как уже отмечено исследователями, к показателю грамматического класса» [3, 53]. Как известно, такой показатель отсутствует в тюркских языках.

В «Грамматике турецкого языка» А.Н. Кононов отмечает, что «множественное число образуется путем присоединения к имени или 3 л. ед. ч. спрягаемой формы глагола ударного аффикса *-lar, -ler*: *at конь, atlar кони*, ... аффикс *-lar, -ler* представляет собою множественное число лично-указательного местоимения *ol* (= совр. *o*), т.е. *olar < ol + a + r*, где *r* – формант древнего множественного числа, восходящий к форме *z*, причем перебой *r ~ z* – явление довольно частое: *göz-görmek, gelir-gelmez*» [4, 40]. Таким образом, категория множественного числа выражается иногда путем повторного употребления имен, что является древнейшим способом образования множественного числа.

Примеры: *yer* «место»; *yer yer* «места», «в различных местах» [4, 43].

Исследователь кумыкского языка Дж.М. Хангишиев, развивая данную мысль, констатирует: «Доказано, что в тюркских языках как показатели множественного числа употреблялись и аффиксы *-з, -кь, -к*. В современных языках данные аффиксы сохранились в словах *биз* «мы», *сиз* «вы» в формах *алдыгъыз* «взяли (вы)», *гелдигиз* «пришли (вы)», *алдыкь* «взяли (мы)», *гелдик* «пришли (мы)» [5, 25]. Таким образом, можно утверждать, что аффикс множественности *-лар (-лер)* в тюркских языках, в том числе и в кумыкском языке, является более поздним образованием.

В статье М.Е. Алексеева и Э.М. Шейхова «О генетической связи суффикса каузатива и показателя множественного числа имен в лезгинском языке», опубликованном в этом же сборнике, данная проблема анализируется в другом ракурсе – в связи с категорией каузатива, а именно – его морфологической формой в лезгинском языке. Так, в частности, отмечается: «К настоящему времени в лезгиноведении имеется, пожалуй, лишь одна гипотеза о происхождении аффикса каузатива в лезгинском языке, высказанная М.М. Гаджиевым. Согласно его предположению формант каузатива *-ар* генетически связан с показателем множественного числа. Развивая эту идею, Г.В. Топурия увязал этот аффикс

в конечном счете с показателем грамматического класса и указал на аналогичное происхождение суффикса *-d-*. Вместе с тем механизм функциональной перестройки морфемы множественности все еще остается невыясненным. Данная статья является попыткой в какой-то мере восполнить этот пробел [6, 107].

В обеих статьях лейтмотивом проходит мысль о том, что компонент множественности в лезгинском языке имеет «автохтонное» происхождение и не может быть заимствованием из тюркских языков «в готовом виде». При этом надо еще иметь в виду, что лезгинский показатель множественности даже формально не совпадает с эквивалентом в тюркских языках, по поводу которого отмечается: «Основным назначением категории имен существительных является количественная актуализация обозначаемого именем понятия».

Большинство тюркологов представляет категориальное значение числа в виде бинарной оппозиции: форма множественного числа с показателем *-лар* противопоставляется форме без этого показателя, которая рассматривается как форма с нулевым показателем: *чечек* «цветок» – *чечеклер* «цветы», *кьуш* «птица» – *кьушлар* «птицы» ... [7, 154], но в то же время единственное число в тюркских языках содержит наряду с выражением «единичности» также нерасчлененное коллективное множественное. Так, например, слово *кьуш* может значить: 1) «птица», 2) «птицы», т.е. индивидуальное представление и род в его целом.

Тем не менее, точка зрения, что лезгинский показатель множественности является заимствованием из тюркского наречия, существует, отмахнуться от него нельзя, а выяснить истинное положение вещей в этом вопросе необходимо, что мы и попытаемся сделать.

Если согласиться с мнением о чужеродности показателя множественности в лезгинском языке, то неизбежно возникают следующие вопросы:

1. В силу каких фонетических преобразований согласный звук *-л-* тюркского экспонента множественности *-лар/-лер* в лезгинском языке на регулярной основе выпадает (за исключением нескольких слов, заимствованных из азербайджанского языка), тогда как он во всех тюркских языках сохраняется, а конечный сонорный *р* может выпасть при склонении или же вовсе отсутствовать. Например, в кумыкском языке в родительном, дательном и винительном падежах звук [*р*] аффикса *-лар* выпадает: *атлар* – *атланы* – *атлагъа* – *атланы* «кони – коней – коням – коней». Такое явление наблюдается и в карачаево-балкарском языке, однако *р* выпадает и в начальном падеже: *атла* «кони», *ишле* «дела».

2. Мог ли показатель целой грамматической категории бесследно исчезнуть из языка, не оставив при этом даже каких-то аналоговых форм? При этом надо иметь в виду, что «...понятие числа является отражением одного из наиболее общих свойств самого бытия... Поэтому категория количества является универсальной, т.е. логической категорией, необходимой ступенькой познания действительности» [8, 552].

Чтобы ответить на первый вопрос, надо выяснить, какими артикуляторно-акустическими свойствами обладает согласный звук [*л*] в лезгинском языке. В специальной литературе, посвященной этой проблеме, отмечается следующее: «*л* – денто-альвеолярный звонкий сонант. При его произнесении кончик языка вместе с его передней частью упирается в верхние зубы и альвеолы, а края языка опущены и язык не касается не только твердого неба, но и зубов и десен, вследствие чего образуются щели, по которым проходит звучащая воздушная струя, создавая своеобразный шум... Встречается во всех позициях: *лам* «осел», *лекь* «орел», *лит* «войлок», *келун* «учиться», *сал* «огород», *фил* «слон». В положении перед гласными переднего ряда смягчается [1, 64–65].

Из этого следует, что сонорный [*л*] в лезгинском языке обладает достаточной фонетической устойчивостью, не подвержен во всех позициях каким-либо серьезным изменениям (за исключением небольшого смягчения перед гласными переднего ряда) и в силу этого его регулярное выпадение в лезгинском языке исключается.

Фонетическую устойчивость согласного [л], а заодно и ответ на второй вопрос, можно продемонстрировать на примере функционирования в лезгинском языке компонента -лу, с помощью которого образуются многие прилагательные. Данный компонент является заимствованием из тюркских языков. При этом гласный звук, сопровождающий согласный [л], в самих тюркских наречиях может быть представлен звуками [ы], [и], [у], [уь] (по закону сингармонизма). В силу отсутствия [ы] в литературном лезгинском языке он во всех случаях заменяется на [у]. Исконное [ы] сохраняется лишь в некоторых диалектах (например, в ахтынском), где данный звук представлен слабой фонемой.

Следует отметить, что использование -лу//-лы в качестве экспонента образования прилагательных в различных диалектах лезгинского языка различается. Так, в ахтынском диалекте лезгинского языка предпочтение в основном отдается прилагательным аналитического строя, которые, на наш взгляд претендуют на роль исконных, более древних аналоговых форм:

Литературный язык Ахтынский диалект
акьул-лу «умный» *акьыл авьавй*
камал-лу «благородный» *камал авьавй*
дад-лу «вкусный» *дад гаьлавй*

Обратим внимание – даже в тех словах, основа которых заканчивается на -л, согласный компонента прилагательного -лу сохраняет свое присутствие как в плане орфографии, так и в плане орфоэпии.

Говоря о тюркском аффиксе множественности -лар// лер, следует отметить, что он обладает универсальностью, т.е. един для всех частей речи, где реализуется категория числа [6]. В лезгинском языке подобная универсальность не наблюдается: «Форма причастия прошедшего времени, а также временные формы глагола, способные употребляться в значении причастия настоящего времени, при субстантивации склоняются по типу субстантивированных прилагательных. В качестве аффикса субстантивации в единственном числе выступает -ди, а во множественном числе -бур:

Атрибутивное причастие Субстантивированное причастие
ед. ч. ед. ч. мн. ч.
фейи «пошедший» *фейиди фейибур*» [1, 210].

Нетрудно заметить, что и в аффиксе множественности -бур присутствует -р, выделяемый, как выше было указано, исследователями лезгинского языка в качестве основного компонента. Данный аффикс в этом же значении встречается и в близкородственном рутульском языке в именах существительных: «Наиболее употребительными являются форманты множественности -б-ыр и -ар» [9, 51].

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что аффикс множественности в лезгинском языке является исконным и его частичное сходство с универсальным компонентом множественности в тюркских языках не является основанием для того, чтобы считать его заимствованием.

1. Современный лезгинский язык. Махачкала, 2009.
2. Гайдаров Р.И. О категории числа в лезгинском литературном языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. С. 78–83.
3. Мейланова У.А. Основные вопросы формирования и функционирования категории числа в лезгинском языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. С. 52–59.
4. Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка». М.–Л., 1941.
5. Хангишиев Дж.М. Къумукъ тил. Махачкала, 1995.
6. Алексеев М.Е., Шейхов Э.М. О генетической связи суффикса каузатива и показателя множественного числа имен в лезгинском языке. // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. С. 107–113.
7. Современный кумыкский язык. Махачкала, 2011.
8. Философская энциклопедия. М., 1962. Т 2.
9. Ибрагимов Г.Х. Рутульский язык. Махачкала, 2004.